

Владимир Петрович Рассказов

В начале 90-х годов — председатель подкомитета по банкам Комиссии Верховного Совета РФ по бюджету, планам, налогам и ценам и заместитель председателя Центрального банка РФ.

Банки — это власть! И взять её наша задача...

Мы понимали, что участвуем в революционном процессе. Идёт смена государственного и общественно-политического строя! Как она пройдет — бескровно или нет, волновало всех. Сразу вспоминается Октябрьская революция и ленинское «в первую очередь необходимо захватить мосты, почту, банки...» Что такое рынок, многие тогда слабо себе представляли, а синонимом этого понятия для основной массы депутатов был базар. Явлинский с Гайдаром по границам поездили и теоретически усвоили главный закон рыночной экономики, что спрос определяет предложение и цену. Вряд ли даже преподаватели наших экономических вузов этот постулат могли вбить в головы студентов. А что говорить о людях с «бетоном в мозгах»: чиновниках, силовиках, партийных деятелях.

Мы с депутатом Валерой Скрипченко принимаем решение — банки нельзя из внимания упускать! Это один из главных инструментов будущей рыночной экономики. Кредитно-денежная политика будет определяющей. И действительно, вскоре заговорили о курсе валют, о кредитной ставке...

Мы заявляем о создании банковского подкомитета. Инициатором был Скрипченко, я вначале осторожно отнёсся к этому, решил, что ни депутаты, ни народ не будут считать этот вопрос первоочередным, думал, что время для них ещё не пришло. Однако Валера отрезвил меня, уверенно заявив: «Банки — это власть!» Никто всерьёз не воспринимал наших действий, даже наши главные оппоненты из комитета по бюджету — Юрий

**Господа, посвящённые в планы
предстоящего дефолта, вначале
нафаршировались сами...**

Игра в дефолт

Воронин и Александр Починок, поэтому подкомитет так и оставался из двух человек. Позже их человек С. Юшенков пристроил ко мне помощником Г. Петрова. Отец Петрова тогда возглавлял один из московских банков, а сын активно использовал нашу информацию о готовящихся документах, на чём (как мне потом стало известно) неплохо зарабатывал.

Вначале мы собрали все имеющиеся наработки по приведению банковской системы к рыночным условиям. Что тогда было: пара сотен кустарно работающих коммерческих банков, отсутствие законодательной базы и регламентирующих документов. Правда, был уже и проект союзного банковского закона. Мы же в результате остановились на варианте закона, подготовленном Борисом Фёдоровым.

Далее начали собирать актив из людей профессиональных и уже почувствовавших коммерческое направление банковского дела, равнодушных, тех, кто мог бы активно предлагать, отвергать, конструктивно спорить. В эту группу попали Георгий Джавашвили — председатель Форум-банка (Челябинск), Юрий Агапов — председатель Кредо-банка, Рафис Кадыров — председатель банка «Восток» (Уфа). Региональные управления Госбанка СССР представляли: Сергей Васильевич Сорвин (Свердловская область), Тамара Александровна Пигилова (Рязанская область), Александр Васильевич Бездольный (Тверская область), Дмитрий Николаевич Курилов (Воронежская область), иногда появлялся начальник Московского управления Константин Борисович Шор и другие.

Собрали мы их всех в Верховном Совете. Так была создана рабочая группа. Для многих из них это было полной неожиданностью — вызывают в высший орган власти! Причём всё — от составления списков до приглашения — было личной моей инициативой, не согласованной ни с кем. Госбанк СССР в то время уже выражал к нам снисходительное презрение и на контакты с нами, выскочками, не шёл. Мы — мэтры и не вам, дескать, всякой «шелупони», таким серьёзным делом заниматься! Председатель Союза промышленников и

предпринимателей А. Вольский, который всегда был сторонником В. Геращенко, однажды с большой трибуны заявил о нас как о людях, которые не отличают дебет от кредита. Но мы на эти выпады внимания не обращали.

Рабочая группа работала интенсивно, регулярно приезжая в Москву, на коллективные обсуждения проектов документов. В результате появились первые, удовлетворившие тогда всех варианты законов о Центральном банке и о коммерческих банках.

Что может Александр Невский

Мы в 1992 году лихорадочно (другого слова не найду) искали способы ликвидации дефицита наличности, ведь регионы уже начали выпускать свои суррогаты денег. По этой причине наступала угроза сепаратизма.

Начали подготовку к печати новых денег, в первую очередь выпуску пятитысячной купюры и чеканке монет. Уже на этапе эскизного проектирования образцов купюр и монет договорились ввести на них новый символ государственности — двуглавого орла, а на крупных банкнотах подпись председателя Банка России.

Кстати, о подписи: это было сделано с целью закрепления в сознании населения и элиты страны, что Банк России — отнюдь не демократическое образование и ответственность за принимаемые решения несёт не правление, а лично председатель. С приходом В. Геращенко все деньги с подписью Г. Матюхина были уничтожены, а реквизиты с банкнот удалены.

История с двуглавым орлом была просто анекдотичной. Первую монету с этим символом мы выпустили, посвятив её битве Александра Невского. Меня вызвали в Президиум Верховного Совета (Г. Матюхин был в отъезде) и потребовали объяснить, как это мы посмели неутверждённую Верховным Советом «курицу» (так называли коммунисты этот символ) разместить на деньгах. Особенно неистовствовали Юрий Воронин и Александр Починок. На что я серьёзным тоном сказал,

что Александр Невский со штандартами, на которых была размещена эта «курица», одержал блестящую победу, прославив тем самым на века наше государство. Это объяснение всем показалось убедительным, и инцидент был исчерпан, хотя двуглавый орёл как государственный символ появился спустя столетия после указанной битвы.

Так что историческое невежество лиц, управляющих государством, порой идёт и на пользу. Ну а Воронин и Починок первыми потребовали, чтобы ЦБ им выдал по несколько этих серебряных монет для их коллекций.

В ЦБ тогда процветало взяточничество

Часто в 1992 году приходилось поступать нетрадиционно. Например, при изменении кредитной ставки. Знали об этом только два-три человека, принимал решение об её изменении председатель ЦБ единолично. Собирали совет директоров банка, в повестку дня вопрос о ставке не вносили. Обсуждаем текущие вопросы. Заканчивается совещание. Г. Матюхин сообщает: «Тут у Владимира Петровича есть объявление». Я довожу, что есть решение процентную ставку по кредитам поднять до... Все вскакивают со стульев и бросаются к дверям. Жёстко останавливаем: «Сидеть!» Начальник юридического департамента вместе с нашим представителем идут отправлять телеграммы. Через десять минут, когда получены подтверждения об отправлении телеграмм, всех отпускаем. Только за такую процедуру установления ставки с нами готовы были сделать что угодно. Рискую предположить, если бы Г.Г.Матюхин руководил Центральным банком в 1998 году, дефолта не случилось бы! Известно, что господа, посвящённые в планы предстоящего дефолта, вначале нафаршировались сами, потом обзвонили своих родственников и приближённых, чтобы те накупили валюты, а лишь затем объявили народу: «Кушать подано!»

В 1992 году, когда бушевала инфляция и катастрофически не хватало денег на выплату зарплаты, Б. Н. Ельцин ездил по регионам и первый вопрос, который ему задавали, был: «Где деньги, Борис Николаевич?» И тогда он отвечал: «Деньги я вам привёз!» Поэтому перед каждой поездкой нам давали задание — узнать ситуацию в регионе, сколько денег требуется, и обеспечить их завоз. Вначале так и было, а потом мы взбунтовались. И как-то не подготовили деньги. Кажется, после его поездки в Северодвинск, осенью 1992 года. И Ельцин возмутился! Мы попали в опалу. Начался поиск предлога, чтобы нас снять.

Попытки нас снять предпринимал Юрий Гехт — депутат, председатель фракции «Промышленный союз». Так, однажды меня пригласили на Президиум Верховного Совета РСФСР якобы для того, чтобы я дал какие-то справки. В середине заседания, которое вёл Сергей Филатов, секретарь раздала всем участникам некие листки. Получаю экземпляр и с удивлением читаю проект постановления о своей отставке, подготовленный Гехтом как членом Высшего экономического совета при Президиуме. Я был расстроен, но после моего выступления и достаточно аргументированного обсуждения постановление не было принято.

Кстати, о Гехте и его акционерном обществе. Он выступил с предложением взять на себя печать российских ценных бумаг. Под это ему были выделены правительством очень серьёзные деньги, но Гехт приобрёл на них полиграфические машины для выпуска фотообоев, которые тогда были в моде и хорошо расходились. Так и появилась его частная компания «Сокольники», о которой я однажды в весьма ироничной форме отозвался на Верховном Совете. Он это запомнил.